

СОДЕРЖАНИЕ

В. Вересаев. Воспоминания о Вере Засулич 7

В. Засулич

Из воспоминаний о покушении на Трепова

Нечаевское дело 13

Воспоминания о С. Г. Нечаеве 68

Из воспоминаний о покушении на Трепова 76

А. Ф. Кони

Дело Веры Засулич

Часть первая 83

Часть вторая 111

Часть третья 162

Часть четвертая 175

Часть пятая 225

Приложения

Речь обвинителя товарища прокурора К. И. Кессель 277

Речь защитника присяжного поверенного

П. А. Александрова 290

Речь Кони 317

Представление его сиятельству, господину министру юстиции

прокурора с.-петербургской судебной палаты 322

Кассационный протест в уголовный кассационный

департамент правительствующего сената товарища

прокурора петербургского окружного суда Кессель. . . . 331

Рапорт в правительствующий сенат, по уголовному кассационному департаменту с.-петербургского окружного суда	349
Указ его императорского величества Самодержца всероссийского из правительственного сената Новгородскому и С.-Петербургскому окружным судам. . .	357
Указ его императорского величества Самодержца всероссийского из правительствующего сената С.-Петербургскому окружному суду	377

В. Вересаев

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЕРЕ ЗАСУЛИЧ

В июле 1877 года, по приказанию петербургского полицмейстера генерала Трепова, был высечен в тюрьме политический заключенный, студент Боголюбов. 24 января 1878 года молодая девушка Вера Засулич явилась к Трепову в качестве просительницы и в тот момент, когда он принимал от нее бумагу, выстрелила в него из револьвера и ранила. Затем бросила револьвер и спокойно дала себя арестовать. На допросе она заявила, что стреляла в Трепова за Боголюбова, что лично Боголюбова не знает, а мстила Трепову за издевательство над политическими заключенными. Решено было судить Веру Засулич судом присяжных. Министр юстиции граф Пален ручался царю за обвинительный приговор. Однако фактическим обвиняемым на суде оказался, вместо Веры Засулич, генерал Трепов. Присяжные вынесли Вере Засулич оправдательный приговор, встреченный общими рукоплесканиями. По приказанию председателя Засулич была освобождена. На улице, при выходе из здания суда, ее ждали жандармы и хотели арестовать. Но толпа вступила с жандармами в свалку и отбила девушку. Она успела сесть в приготовленную карету и скрыться. Через некоторое время ей удалось бежать в Швейцарию. Дело Веры Засулич вызвало огромную сенсацию и прославило ее на весь мир.

За границу Вера Ивановна прожила более двадцати лет. С зарождением русского марксизма она всею душою примкнула к этому течению и вошла в группу «Освобождение труда», во главе которой стояли Плеханов и Павел Аксельрод. После 1905 года Засулич получила возможность возвратиться в Россию и уже безвыездно прожила в ней до самой смерти.

Однако приезжала она однажды в Россию и раньше, до своего легального возвращения. Было это зимою 1899–1900 г. Целью ее поездки было установить непосредственную связь с работавшими в России социал-демократами, лично ознакомиться с их настроениями и взглядами и выяснить им позицию группы «Освобождение труда» в возникших за границею конфликтах. Жила она, конечно, по подложному паспорту, и только несколько человек во всем Петербурге знали, кто она. В это время я с нею и познакомился.

Невысокая седенькая старушка, небрежно причесанная, кое-как одетая, с нервно подергивающеюся головою, постоянно с папироскою во рту. Говорила она быстро, слегка как будто захлебываясь. Но улыбка у нее была чудесная — мягкая, застенчивая и словно извиняющаяся. Она была умна, образованна и остроумна, спорила искусно, возражения ее были метки и сильны. Но высказывала она их с этою милою своею улыбкою, словно извинялась перед противникам, что вот как ей это ни тяжело, а не может она с ним согласиться и должна ему возражать.

Скромна она была необычайно, к всемирной известности своей относилась с усмешкою: мало ли в семидесятих годах было террористических покушений, мало ли было революционеров, действовавших гораздо искуснее и смелее ее, — а имена их никому почти не известны. Свою же славою она обязана чистейшему случаю, — что царскому правительству вздумалось применить к ней «народный суд» и попытаться показать Европе, что сам русский народ и общество относятся отрицательно к кучке баламутов-революционеров.

До известной степени Вера Ивановна была права: конечно, если бы ее судили обычным негласным судом, имя ее было бы известно только людям, специально интересующимся историей русской революции. И все-таки мало я видел людей, которые бы так скромно и даже неохотно несли выпавшую на их долю известность. Слава ино-

гда портит и уродует даже самую хорошую душу. Когда все кругом потихоньку указывают друг другу на знаменитого человека, когда почтительно прислушиваются к каждому его слову, гордятся и хвалятся знакомством с ним, то очень много нужно душевной силы, чтобы не стать суетным, тщеславным и нетерпимым. Вот в чем несколько не была грешна Вера Ивановна. Она была так застенчиво-скромна, так всегда старалась держаться в тени что иногда с нею случались довольно-таки курьезные недоразумения.

Мы, петербургские литераторы-марксисты, группировались тогда в кружок, собиравшийся обыкновенно у А. М. Калмыковой, известной деятельницы по народному образованию.

Был, между прочим, в нашем кружке один молодой критик и публицист — человек талантливый, с самостоятельной мыслью, с интересными переживаниями. Но была у него одна очень неприятная черта: он умел быть внимательным, чутким собеседником с лицами, которые его интересовали. Но с людьми, ему неинтересными, он держался не то чтобы высокомерно или небрежно, — а просто они для него совершенно не существовали, были пустою, которой он даже не замечал. В то время его особенно интересовал вопрос о различии морали старого народничества и нового народившегося марксизма. Характерною чертою народничества, как течения чисто интеллигентского, он считал «болезнь совести», особенностью социал-демократизма — «болезнь чести»: старый народник-интеллигент шел в революцию вследствие поруганной совести — нужно бороться за страдающий и угнетенный народ. Новый революционер, рабочий, идет в революцию вследствие поруганной чести: такие же люди, как все, мы не хотим больше страдать и терпеть угнетение. На эту тему приятель наш вел в то время журнальную полемику с Н. К. Михайловским. На эту же любимую свою тему заговорил он и в нашем кружке при Вере Ивановне. Говорил

он много и с одушевлением. Вера Ивановна несколько раз пыталась ему возражать, но он только сверкнет пренебрежительно своим пенсне на скромную старушку в углу, неохотно протяннет:

— Да-а, пожалуй!

И, даже не удостоив выслушать ее, продолжает говорить сам или слушать возражения противников, которые его интересовали. И Вера Ивановна сконфуженно умолкала.

Прошло с год. Однажды, беседуя на ту же тему, он говорит мне:

— Знаете, с кем бы мне всего интереснее было поговорить об этом? С Верой Засулич, Вы помните, как ее описывает Степняк-Кравчинский в «Подпольной России»? И такой человек, с чисто народнической душой, стал социал-демократом! Правда, интересно бы с нею поговорить? Ей-богу, готов бы за границу поехать, только чтоб с нею побеседовать.

Я лукаво говорю:

— Вы с нею беседовали год назад. И как раз на эту тему. Только не пожелали ее слушать.

— В чем соль вашей шутки? Не понимаю.

Вера Ивановна давно уже уехала за границу, конспирировать было нечего. Я напомнил приятелю о скромной старушке в уголке на одном из наших прошлогодних собраний.

— Это была Вера Засулич.

Он вскочил.

— Да нет! Да неужели же! Я припоминаю, в уголке сидела какая-то серая старушонка. Я про нее спросил Калмыкову, она сказала, что это ее родственница из провинции. Ах ты, досада! В одной комнате с нею просидел целый вечер!..

После революции 1905 года Вера Ивановна получила возможность легально воротиться в Россию. Она поселилась в Петербурге. Сотрудничала в социал-демократических журналах и газетах, много переводила, но, сколько мне известно, активно в партии уже не работала.

В Тульской губернии у близких моих родственников было небольшое имение. Молодежь этой семьи деятельно работала в революции, сыновья и дочери то и дело либо сидели в тюрьмах, либо пребывали в ссылке, либо скрывались за границей, либо высылались в родное гнездо под гласный надзор полиции. Однажды летом к одной из дочерей приехала туда погостить Вера Ивановна. Место очень ей понравилось, и она решила тут поселиться. Ей отвели клочок земли на хуторе, отстоявшем за полторы версты от усадьбы.

В убогой своей избушке она писала и переводила. Способ работы у нее был ужасный. Когда Вера Ивановна писала, она по целым дням ничего не ела и только непрерывно пила крепчайший черный кофе. И так иногда по пять-шесть дней. На нервную ее организацию и на большое сердце такой способ работы действовал самым разрушительным образом. В жизни она была удивительно неприхотлива. Сварит себе в горшочке гречневой каши и ест ее несколько дней. Одевалась она очень небрежно, причесывалась кое-как.

Раз идет по тропинке через зреющую рожь крестьянская баба. Вдруг ей навстречу простоволосая растрепанная старуха с трясущеюся головою, с торчащим изо рта зубом. Настоящая баба-яга. Женщина шарахнулась в рожь —
— Мать честная!.. Да воскреснет бог!..

Но душа этой изящной на вид старухи была удивительно изящная и тонкая. То сравнительно немного, что она написала, написано изящно и умно, переводы ее очень хороши. Вера Ивановна чувствовала красоту во всем. Но особенно она любила ее и чувствовала в русской природе. На своем небольшом клочке земли она развела садик и с утра до вечера копалась в нем. Никогда в жизни не видел я такого оригинального садика. Там было мало обычных садовых цветов — всех этих левкоев, настурций, резеды. Но очень много было цветов полевых и лесных. Понравится ей цветок где-нибудь на меже около ржи, на луговом от-

косте или в лесной ложинке под кустом орешника, — Вера Ивановна бережно выкапывает его и пересаживает к себе в садик. И здесь, на хорошей земле, при тщательном уходе, цветок развивался так пышно, что нельзя было его и сравнивать с братьями его, жившими на воле. Она очень этим гордилась. Однажды она мне сказала:

— Вот так и с людьми. Дать им подходящие условия, поставить в нужную обстановку, — и как они могут быть прекрасны!

В. Засулич

Из воспоминаний о покушении на Трепова

НЕЧАЕВСКОЕ ДЕЛО¹

I

Каракозовское дело, конечно, займет в истории нашего движения гораздо более скромное место, чем нечаев-

¹ Статья «Нечаевское дело» впервые была опубликована Л. Г. Дейчем во II томе сборн. «Группа Освобождение Труда», М. 1924 г. В предисловии своем Л. Г. Дейч пишет: «Записки эти были начаты ею, вероятно, еще зимой 1883 г., когда мы, члены незадолго перед тем возникшей группы „Освобождение Труда“, решили прочитать в Женеве ряд рефератов о нашем революционном движении. В виду робости Веры Ивановны, друзья ее — Плеханов, Степняк и я — долго уговаривали ее рассказать на собрании о нечаевском деле, по которому, как известно, она привлекалась. Согласившись, наконец, она набросала конспект, но, когда наступила ее очередь выступить с докладом, она до того растерялась, что не в состоянии была произнести ни слова, и собравшиеся разошлись, ничего от нее не услышав». Затем, спустя много лет, Вера Ивановна, повидимому, задалась целью переделать оставшиеся у нее наброски этого не произнесенного реферата в статью, вероятно, для какого-нибудь возникшего в России во второй половине 90-х гг. легального марксистского журнала: на это указывает ее стремление придать этим запискам характер объективного изложения, без всякого упоминания о ее личном участии в нечаевском деле. Повидимому, для того, чтобы цензура не могла догадаться, кто автор, Вера Ивановна не называет даже своих сестер, также привлекавшихся по этому делу. Что записки эти она предназначала для печати, видно также из тщательно переписанной ею первой части и из сделанного ею на одном листе подсчета количества заключающихся на нем букв с припиской: «из моих двух стр. выходит одна печатная». Л. Г. Дейч сообщает далее, что рукопись статьи сохранилась в двух вариантах: «Имеются полный текст и с большими изменениями переписанный на бело второй экземпляр второй части, но с некоторыми существенными пропусками из первого. Я помещаю второй вариант, дополнив его всем тем, что Верой Ивановной было опущено из черновой тетради».

ское. Его подробная история, быть может, станет известной не раньше, как документы III отделения подвергнутся разработке¹.

Это был заговор дело, тайное не для полиции только, но и для окружающих его более мирных элементов, на которых старались действовать члены общества. Ишутин уговорил их в таком роде: наступит великий час, мы люди, обреченные; этот час называл прекрасной Фелициной. Судя по рассказам о нем, это был тип революционера, умевший разжигать настроение слушателей представлением о чем-то великом и таинственном. Как кружок, это общество существовало с 63 г.; члены его обучали в школе, имели 2 ассоциации и сообща устроенное² общежитие³. Во всяком случае, к осени 65 года это были уже за-

¹ В. И. Засулич была осведомлена относительно каракозовского дела его непосредственными участниками. Еще в Москве она познакомилась с рядом лиц, привлекавшихся — по этому делу. По переезде В. И. в августе 1868 г. в Петербург, она, по-видимому, через Людмилу Колачевскую и Моткову, также переселившихся из Москвы в Петербург, познакомилась с судившимся по каракозовскому делу Варлаамом Черкезовым.

² Зачеркнуто: «вероятно, задолго до катастрофы».

³ Ишутинский кружок возник в Москве и к концу 1865 г. сложился в тайное общество, принявшее название «Организация». Осенью 1864 г. им была открыта школа, просуществовавшая до лета 1865 г. Учителями в ней были члены кружка. Школа была рассчитана на 20–25 учеников из беднейшего населения. Помимо преподаваний в школе, члены кружка ставили задачей революционизирование учеников. Кружок ишутинцев организовал две мастерские, основанные на артельных началах: переплетную и швейную; в них работали члены кружка и их знакомые. — Ишутин и его ближайшие товарищи по кружку одно время жили совместно на одной квартире в доме Ипатова, вследствие чего их называли «ипатовцами». О любви Ишутина к таинственности и мистификациям говорят очень многие из членов его кружка. Они передают, что Ишутин старался выдавать себя за агента какой то таинственной революционной силы, выдумывал несуществующие тайные общества, говорил о запасах оружия, яко бы предназначенного на революционные цели и т. п. Товарищи Ишутина по организации объясняли его склонность к мистификациям присущей ему жаждой деятельности и желанием вовлекать других в революционное движение: своими таинственными

говорщики: члены принимались с клятвами, и в их среде успел уже даже образоваться раскол¹, более крайние составляли, так сказать, общество в обществе под названием «Ад»². Целью его было, вернее шла в нем речь, об избиении царской фамилии, при чем крайние стояли за предварительную агитацию, пропаганду. Оно приговорило 17 чел. После выстрела Каракозова полиция напала на след этого заговора.

Система, как вести себя на следствии, в то время не могла даже и начать еще вырабатываться, люди, как видно, по большей части считали нужным на каждый вопрос следователей давать более или менее правдоподобный ответ, лживый, конечно, кроме нескольких предателей, — нашлись и предатели. Начались очные ставки, уличения во лжи, давались новые объяснения: запутались даже такие люди, как сами Худяков, Ишутин; и понемногу все члены без исключения были открыты³: нелегальность тогда изобретена не была, дожидаясь ареста, спокойно оставались на своем месте; все были переловлены и посланы в Сибирь.

рассказами он старался убедить их в существовании могущественной революционной организации и побудить их примкнуть к ней.

¹ В рядах «Организации» происходила борьба двух направлений. Левое крыло возглавлялось самим Ишутиним. Он и его сторонники ставили задачей «Организации» подготовку восстания в целях экономического переворота. Более умеренное крыло, во главе которого стояли Мотков, высказывалось за подготовку переворота при помощи постепенной пропаганды в народе, распространения соответствующей литературы, устройства школ, ассоциаций и т. п.

² В начале 1866 г. у Ишутина и его товарищей зародилась мысль о создании в рядах «Организации» замкнутого кружка под названием «Ад», в который допускались бы самые надежные люди и который принял бы на себя негласный верховный надзор за деятельностью «Организации». Одновременно с этим начал дебатироваться вопрос о необходимости царевбийства.

³ Почти все привлеченные по Каракозовскому делу держались на следствии малодушно, спешили выразить раскаяние в своих действиях и давали откровенные показания. Наиболее твердо держался Худяков, но и он не выдержал и дал показания, которые уличали его ближайшего друга и сотрудника Никольского.

С тех пор о каракозовцах не было слышно: никто из них не выплыл в позднейшем движении, а они только и могли бы подробно рассказать о своем деле¹.

В последнее время появились воспоминания Худякова², но там подробно рассказано следствие, поскольку оно касалось... самого Худякова, о московском тайном обществе, из которого вышел Каракозов, его он едва касается. Он говорит, что это были люди энергичные, талантливые, выработанные, но все они скоро были изловлены и отправлены в Сибирь; на свободе были оставлены только люди, оказавшиеся, после подробнейшего рассмотрения самой муравьевской комиссии³, вполне невинными, а, следовательно, уже действительно невинные. Опыта, традиции внести в новое движение они не могли, а также не

¹ Мемуарная литература, оставленная каракозовцами, более чем скудна. Наибольшее значение имеет «Автобиография» Худякова. Кратко останавливаются на каракозовском деле Л. Е. Оболенский в своих «Литературных воспоминаниях и характеристиках» («Исторический Вестник», 1902 г. № 1–4), Ф. А. Борисов в автобиографии, опубликованной в № 4 «Каторги и Ссылки» за 1929 г., и П. Ф. Николаев в записке об отношении каракозовцев к Чернышевскому, составленной им по просьбе В. Е. Чехихина-Ветринского (опубликован в книге последнего, «Н. Г. Чернышевский», П., 1923 г., стр. 176–179). После того же Николаева и В. Н. Шаганова остались воспоминания о Чернышевском, с которым они встретились на каторге, П. Николаев. «Личные воспоминания о пребывании Н. Г. Чернышевского на каторге», М. 1906 г.; В. Н. Шаганов. «Н. Г. Чернышевский на каторге и в ссылке», СПб, 1907 г.) Кроме того сохранились не законченные и пока еще неопубликованные воспоминания В. А. Черкезова и неопубликованная краткая автобиография П. Николаева.

² «Опыт автобиографии» И. А. Худякова был напечатан в 1882 г. в Женеве, в Вольной Русской типографии. В 1930 г. перепечатан под заглавием «Записки каракозовца».

³ «Муравьевская комиссия» — высочайше учрежденная в 1862 г. следственная комиссия, которая вела расследование дела о покушении Каракозова. Председателем ее в 1866 г. был назначен крайний реакционер-крепостник М. Н. Муравьев, прославившийся кровавой расправой с польскими повстанцами 1863 г. в Литве. В связи с каракозовским делом, по распоряжению Муравьева, было арестовано много людей, не имевших в действительности никакого отношения к этому делу.

могли составить ядра, вокруг которого группировались бы новые элементы.

«Что делать» Чернышевского продолжало перечитываться молодежью, но самый доступный легко исполнимый из являвшихся прежде вопросов на поставленный в заголовке романа вопрос — заводить ассоциации — уже не удовлетворял. В предыдущий период ассоциации, по большей части швейные, росли, как грибы, но большая часть из них вскоре распадалась, а некоторые кончались третейскими судами, ссорами. Заводились они по большей части женщинами, настолько состоятельными, чтобы купить: швейную машинку, нанять квартиру, нанять на первый месяц, пока не будут разъяснены им принципы ассоциации, двух или трех опытных модисток. В члены набирались частью нигилистки, не умевшие шить, на горячо желавшие «делать», частью швей, желавшие только иметь заработок. В первый месяц стгоряча все шили очень усердно, но более месяца шить по 8–10 час. в день ради одной пропаганды примером принципа ассоциации, к тому же без привычки к ручному труду, мало у кого хватало терпения. Шить начинали все меньше и меньше¹. Мастерницы негодовали и сами начинали небрежно относиться к работе; заказы убывали. Лучшие работницы скоро покидали мастерскую, так как приходившиеся на их долю части дохода оказывались меньше жалованья, которое они получали от хозяина, несмотря на то, что основательницы по большей части отказывались от своей доли. Иногда дело кончалось тем, что мастерницы забирали себе машины и основательниц выгоняли из мастерской. Устраивались третейские суды. «Сами же постоянно твердили, что машина принадлежит труду», — защищалась бойкая мастерица перед таким судом, на котором мне случилось присутствовать. «А уж какой а них был труд, как есть никакого; только, бывало, разговоры разговаривают!» Суд не признал, однако, мастерицу олицетворением «труда» и присудил машинку возвратить.

¹ Зачеркнуто: «К тому же и швей».

Также плохо шли и переплетные мастерские, хотя там менее сложный и не требующий долгой предварительной подготовки труд был более приспособлен к ассоциации.

В 69 году затишье, наступившее вслед за каракозовщиной, еще продолжалось во всей силе. Из людей 60-х годов иные сошли со сцены, другие куда-то попрятались, и¹ зеленой молодежи, подъезжавшей из провинции после погрома, не было к ним доступа. Она оставалась совершенно одна; ей предстояло отыскивать дорогу собственными силами. Каракозовщина не оставила ядра, около которого она могла бы группироваться². Я говорю, конечно, о среднем уровне молодежи, затронутой разыгравшимся зимою 68–69 годов в Петербурге прологом нечаевского дела. Такая изолированность молодежи, отсутствие пропаганды в ее среде, отсутствие соприкосновения с людьми сложившегося мирозерцания, могущими помочь³ в разрешении вопроса: «что делать?», — приводило ищущую дела молодежь в тоскливое, тревожное состояние.

Те надежды, с которыми ехала она в Петербург, оказывались обманутыми. Начало 60-х годов облекло столицы, а в особенности Петербург, в самый яркий ореол. Издали, из провинции, он представлялся лабораторией идей, центром жизни, движенья, деятельности. В провинции между семинаристами и гимназистами седьмого класса, между студентами провинциальных университетов образовывались маленькие группы юнцов, решившихся посвятить себя «делу», как тогда многие выражались вкратце, или даже просто — «революции». А за выяснением, что это за «дело», что за «революция», начинались в Петербург: там все узнаем, там-то выяснит-

¹ Зачеркнуто: «По меньшей мере».

² Это сообщение В. И. Засулич не вполне точно. Некоторые из привлекавшихся по каракозовскому делу, по отбытии тюремного заключения, организовали в Петербурге кружок-коммуна, известный под названием «Оморгонокая академия». К этому кружку принадлежали каракозовцы Сергиевский, Воскресенский, Полумордвинов и Черкезов.

³ Зачеркнуто: «Ответить».